

А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко

ОГРАНИЧЕНИЕ ГЛАСНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются нормы оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства сквозь призму обеспечения негласности (ограничения гласности) раскрытия и расследования преступлений. Доказано, что процедурно-процессуальные и тактические вопросы достижения негласности в оперативно-разыскной деятельности и уголовном процессе имеют общую методологическую основу. Авторы обосновывают необходимость создания адекватной для научного сообщества и практических работников частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений, на базе которой эффективно развивались бы законотворческий процесс и оперативно-следственная практика.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, негласность, гласность, раскрытие, расследование, конспирация.

A. I. Tambovtsev, N. V. Pavlichenko

LIMITATION OF PUBLICITY (TRANSPARENCY) IN THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION

The given article deals with the norms of operative-detective and criminal-procedural legislation in the light of ensuring non-publicity (limitation of publicity) to solve and investigate crimes. Comparative analysis of the conceptual basis of the criminal process as a discipline, a branch of law and an independent legal science to have become, on the one hand, and specific rules of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the Federal Law „On Operative-Detective Activity“, on the other hand, leave in question the Tightness of some academic, common postulates, in particular, the publicity of the criminal procedure, associated with the absolute comprehensive openness of the latter, so called „transparency“ for the society. The authors prove the procedural and tactical issues of achieving non-publicity (transparency) in operative-detective activity and criminal procedure to have a common methodological basis. The authors of the article justify the necessity to make a private theory of non-publicity of solving and investigating crimes to be adequate one for the scientific community and police officers on the basis of which lawmaking process and operational-investigative practice should be effectively developed.

Key words: operative-detective activity, criminal-procedural activity, non-publicity (non-transparency), publicity (transparency), solution, investigation, secrecy.

Сравнительный анализ концептуальных основ уголовного процесса как учебной дисциплины, отрасли права и самостоятельной юридической науки, с одной стороны, и конкретных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), а также Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — закон об ОРД), с другой стороны, позволяет усомниться в правоте некоторых академических общепризнанных постулатов, в частности — гласности уголовного процесса, ассоциируемой с его абсолютной всесторонней открытостью, «прозрачностью» для общества.

Считаем возможным не согласиться с мнением

ученых, что гласность является конституционным принципом всего уголовного процесса [1, с. 58]. Декларированный ст. 123 Конституции Российской Федерации принцип гласности (выраженный в открытости разбирательства дел) категорично отнесен к разбирательству в судах, тем самым ограничивается действие данного принципа. Конкретизирующая его ст. 241 УПК РФ «Гласность» является составной частью главы 35 «Общие условия судебного разбирательства» и соответственно ее название (и содержание) имеет отношение к общим условиям именно судебного разбирательства как одной из стадий уголовного судопроизводства, но не ко всему сложному многоступенчатому процессу, принципы которого

сформулированы в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства» и не содержат принцип гласности.

В связи с вышеизложенным возникают закономерные вопросы.

Во-первых, является ли гласность для мультисубъектного, многоуровневого и многоэтапного процесса уголовного судопроизводства основополагающей концептуальной идеей, всеобъемлющим принципом, т. е. «ключевым, руководящим исходным положением какого-либо процесса, явления, деятельности» [2, с. 585, с. 960], «категорией, отражающей стабильность определенной теории, учения, соответствующего вида деятельности» [3, с. 9]?

Во-вторых, действительно ли практика уголовного судопроизводства опирается только и исключительно на гласные способы и методы или допускает, пусть даже вынужденно, закрытость, некую секретность, смешение гласных и негласных форм деятельности? И если абсолютный, всеобъемлющий характер принципа гласности уголовного процесса в теории является все-таки полемичным, то не приемлемы ли в его организационных началах теоретические постулаты, обеспечивающие определенную негласность по аналогии с негласностью и конспирацией в оперативно-разыскной деятельности?

В-третьих, если в УПК РФ нет прямого запрета на осуществление предварительного расследования в частично негласных и/или смешанных формах и негласными методами, то допустимо ли хотя бы их ситуативное использование (на иных кроме рассмотрения дела в суде стадиях) с соблюдением обязательных упомянутых в законе формальных требований, интерпретируемых не только в рамках правовых норм, но и с разумной (проверенной практикой) целесообразностью?

В-четвертых, возможна ли перспективная легитимизация в положениях и предписаниях уголовно-процессуального законодательства отдельных способов, методов (а в целом — инструментария), свойственных оперативно-разыскной деятельности?

В контексте изложенного целью работы является анализ соотношения нормативной «открытости», фактической негласности уголовного процесса как социально-правового института и его формализованного когнитивно-доказательного инструментария.

Даже самое поверхностное исследование терминологии, используемой в текстах

Конституции Российской Федерации, Уголовного и Уголовно-процессуальных кодексов России, свидетельствует о том, что общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства не являются совершенно и всесторонне прозрачными и что государство в лице стороны обвинения использует в нем не только исключительно гласные формы. Такие понятия, как «личная и семейная тайна», «тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений», «конфиденциальность свиданий подозреваемого (обвиняемого) и защитника», «тайна следствия», «тайна совещания судей», «тайна совещания присяжных заседателей» и др. в тексте упомянутых выше нормативных правовых актов наглядно и категорично указывают на наличие в системе уголовного судопроизводства негласного сектора. Этот факт следует не только из буквального толкования отдельных норм уголовно-процессуального законодательства (чему при желании можно придать характер конъюнктурного субъективизма), но и из многолетней повсеместной правоприменительной практики, признанной легитимной, в том числе решениями Конституционного Суда Российской Федерации.

Основываясь на неразрывной связи уголовного судопроизводства и оперативно-разыскной деятельности, их обоюдной нацеленности на достижение исключительно полезного социально-гуманистического результата, единстве и во многом схожести их познавательной сущности, следует признать, что социально-правовой феномен

негласности (сохранения тайны) свойственен тем видам человеческой деятельности, субъекты преследуют противоположные цели, где сталкиваются интересы сторон, а их отношения носят характер конфликта [4]. Ярким примером является оперативно-разыскная деятельность, где соблюдение негласности (конспирации) выступает в качестве важнейшего организующего начала и является непременным условием эффективности применения оперативно-разыскных мер [4]. Именно поэтому в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. (п. 2) отмечено, что оперативно-разыскная деятельность объективно невозможна без значительной степени секретности [5].

Однако и уголовное судопроизводство (неотъемлемым обеспечивающим компонентом которого объективно является оперативно-разыскная деятельность) — это, несомненно, тоже вид деятельности, в котором отношения сторон изначально конфликтны. Из этого следует, что

необходимым условием, обязательным атрибутом конечной эффективности судопроизводства должно выступать некое качество, функция или принцип, обеспечивающие хотя бы кратковременное, ситуативно необходимое и небольшое по кругу лиц сохранение «внутренних» тайн без вреда (а может, и в целях усиления) для иных ключевых принципов, которое условно можно назвать «негласностью».

Мы не случайно обратили внимание на ситуативный характер негласности в уголовном процессе. Если для оперативно-разыскной деятельности негласность часто представляет собой перманентное состояние, то в уголовном процессе необходимость соблюдения негласности определяется конкретной правовой и (или) тактической ситуацией. Именно поэтому мы предлагаем ввести в оборот термин «ситуативная негласность», под которой следует понимать сохранение в тайне от заинтересованных лиц информации, которая может нанести вред установлению истины по делу. Но в отличие от оперативно-разыскной деятельности форма достижения негласности в уголовном процессе в большинстве случаев представляет собой не активные действия заинтересованных субъектов по введению в заблуждение относительно истинных целей, а деятельность по ограничению гласности.

Необходимо признать, что в положениях и предписаниях УПК РФ (и иных федеральных законов) нет прямых указаний на использование при уголовном судопроизводстве негласных (конспиративных) методов. Исключением можно считать ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», которая вводит прямой и категоричный запрет, фактически легитимизируя как сам термин «негласность», так и его содержание (правда, в узком смысле), понимая под ним недопустимость разглашения данных предварительного расследования. Тем не менее и нормативные правовые акты, составляющие уголовно-процессуальное законодательство, и сам процесс уголовного судопроизводства прямо или косвенно, но пронизаны идеями негласности как функционального признака (условий) отдельных действий, так и конечных результатов некоторых из них. Например, ч. 9 ст. 166 «Протокол следственного действия» рассматривает негласность (в форме неприведения данных о личности) как условие обеспечения безопасности потерпевшего (и иных лиц). Статья 310 Уголовного кодекса Российской Федерации «Разглашение данных

предварительного расследования» запрещает разглашение данных предварительного следствия, которые являются результатом процессуальной информированности отдельных субъектов (участников) процесса и представляют собой разновидность сведений, составляющих служебную тайну [6]. Сам факт наличия в уголовном процессе служебной тайны, по нашему мнению, позволяет утверждать, что гласность здесь не абсолютна и уголовному процессу, как и оперативно-разыскной деятельности, свойственны отдельные негласные формы работы и методы обеспечения процессуальной тайны (скрытности, негласности) как состояния информированности общества или отдельных лиц о ходе судопроизводства.

Вопросы негласности лежат на поверхности при реализации пп. 1 и 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ в части, касающейся возможности проведения закрытого судебного разбирательства; п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ в части, касающейся выделения уголовного дела в отдельное производство, а ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров» и ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» априори требуют негласности при проведении. Этому же вопросу посвящен целый ряд положений УПК РФ (например, ч. 3 ст. 53 «Полномочия защитника», п. 2 ч. 3 ст. 54 «Гражданский ответчик»), обеспечивающих сохранение тайны. Тем самым не только конкретизируется, но и реализуется ст. 23 Конституции Российской Федерации, гарантирующая неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а в целом — негласность определенного уровня.

В то же время, рассуждая «от обратного», следует признать, что за исключением случаев, прямо оговоренных в УПК РФ, гласность уголовного процесса не означает обязательности стороны обвинения (как впрочем, и стороны защиты) информировать о всех своих планах, действиях и результатах широкую общественность или конкретных участников процесса, как это предусмотрено отдельными нормами гражданского законодательства в отношении определенных административных или властно-распорядительных структур. Например, ч. 1 ст. 63 Гражданского кодекса Российской Федерации «Порядок ликвидации юридического лица» обязывает ликвидационную комиссию поместить в соответствующих органах печати публикацию о ликвидации юридического лица, а также о порядке и сроке заявления требований его кредиторами, обеспечивая гласность в виде предания широкой

огласке самого факта путем обращения к неограниченному кругу лиц. То есть объективно складывающаяся в настоящее время в уголовном процессе негласность является результатом не активного введения фигуранта в заблуждение, что свойственно конспирации в оперативно-разыскной деятельности, а пассивного умолчания (в допускаемых УПК РФ рамках) о состоянии дел в определенной сфере судопроизводства в определенный момент времени. Таким образом, негласность в уголовном процессе можно рассматривать в двуедином аспекте: как условие (а в перспективе — даже принцип) деятельности и как некий результат, состояние, достигаемое этой деятельностью.

При рассмотрении полемичности принципа гласности (а значит, и допустимости ее антитезы — негласности) интересным представляется анализ следующих авторских позиций. «Гласность может быть общая и гласность сторон. Общая гласность — это открытость судебного разбирательства, т. е. возможность присутствия на суде всех желающих... Гласность бывает также полная и ограниченная. Общая гласность может ограничиваться по кругу лиц, объему процессуальных действий, характеру выясняемых обстоятельств» [7, с. 90—91].

Полагаем, что именно первое из этих утверждений отражает суть принципа гласности — открытость для широкой публики судебного заседания, предусмотренного ст. 241 УПК РФ «Гласность». Но в то же время оно имеет определенные (упомянутые в статье и во второй цитате) исключения, ограничивающие сферу и объем действия данного принципа.

Понятие (термин) «общий» можно рассматривать в нескольких значениях, а именно: свойственный всем, касающийся всех; производимый, используемый повсеместно, коллективный, принадлежащий всем; взаимный, совпадающий с чем-нибудь; целый, весь; касающийся основ чего-нибудь [2, с. 585, 960].

Название главы 35 УПК РФ «Общие условия судебного разбирательства» и текст рассматриваемой нормы категорично указывают не на всеобъемлющую сферу деятельности данного принципа (условия), а только на разбирательство уголовных дел во всех судах и не затрагивают иных стадий. Пункты 1—4 ч. 2 данной статьи ограничивают ее действия по кругу лиц. Изложенное свидетельствует о том, что общий характер гласности фактически является общим только «условно».

Представляется также полемичным следующее утверждение правоведов: «Гласность сторон есть право обеих сторон присутствовать при

проведении процессуальных действий, знакомиться со всеми материалами дела и делать заявления» [7, с. 90—91]. Во-первых, право сторон присутствовать при проведении процессуальных действий может быть полностью ограничено конкретным запретом, указанием (перечислением) процессуальных действий, при которых сторона вправе присутствовать, либо частично — усмотрением следователя [8]. Например, согласно п. 10 ч. 4 ст. 47 УПК РФ «Обвиняемый», обвиняемый вправе участвовать с разрешения следователя в следственных (т. е. в процессуальных) действиях, производимых по его ходатайству. Эта норма предполагает одновременное ограничение рассматриваемого права стороны как по виду процессуального действия, так и решением следователя. Пункт 12 ч. 4 данной статьи ограничивает право стороны знакомиться со всеми материалами дела сроком, а именно — по окончании предварительного расследования.

Полагаем, что указанная норма обеспечивает не только организованность, рациональность и последовательность действий следователя, соблюдение определенных процедур и разумных процессуальных сроков, но также может истолковываться и с тактических позиций, как положение, допускающее оставление стороны защиты в определенном информационном дефиците, что, несомненно, выгодно для «построения» линии поведения следователя (представителя стороны обвинения) при изобличении виновного.

Аналогичная аргументация действует и в следующей ситуации. Согласно п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ «Обвиняемый» обвиняемый вправе знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела. Законодатель делает акцент на сроке ознакомления — по окончании расследования, что логично расценить как запрет на его ознакомление с материалами до окончания расследования, т. е. оставление в определенном (полном или частичном по объему или времени) неведении об обстановке, плане, ходе, результатах расследования, а значит, соблюдении негласности. В соответствии с п. 2 ч. 4 данной нормы обвиняемый вправе получить копию обвинительного заключения или обвинительного акта. Эти процессуальные документы отражают ход расследования и доказательственную базу, но являются документами «заклывательного» этапа расследования и не раскрывают большой

перечень сведений на стадии «активного» расследования и сбора доказательств, поэтому не противоречат предшествующему тезису о негласности.

Часть 4 ст. 96 УПК РФ «Уведомление о задержании подозреваемого», по нашему мнению, носит ярко выраженный наступательный характер с позиции обеспечения «ситуативной (тактической) негласности» расследования, близкой по своему характеру к конспирации в оперативно-разыскной деятельности. Норма гласит, что при необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление с санкции прокурора может не производиться, за исключением случаев, когда подозреваемый является несовершеннолетним. Как отмечается правоведами, это обосновывается исключительными обстоятельствами расследования, интересами предварительного расследования, тайны следствия и т. п. [9, с. 242, 158]. Но как бы кощунственно это не звучало, подобная редакция демонстрирует приоритет целей расследования конкретного уголовного дела перед некоторыми общими принципами уголовного процесса.

Логическим продолжением обеспечения ситуативной негласности при задержании лица являются положения ст. 107 УПК РФ «Домашний арест», допускающие запрет на общение арестованного с определенными лицами путем личных контактов, получения и отправления корреспонденции и переговоров с использованием любых средств связи. Таким образом достигается не только пространственная, но и информационная (что для целей уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности может быть важнее) изоляция арестованного от окружающего мира, и наоборот, а значит, и определенная (пусть даже временная) негласность на период действия указанной меры пресечения.

Еще более радикально эти ограничения обеспечиваются при избрании самой строгой меры пресечения — заключения под стражу, предусмотренной ст. 108 УПК РФ. «Лицо, взятое под стражу, физически изолируется от общества и содержится в специальных, охраняемых помещениях с соблюдением предусмотренного режима» [10, с. 113], чем, кроме «надлежащего поведения» [11, с. 280], достигаемого государственным принуждением, может обеспечиваться и частичная, т. е. ограниченная по кругу лиц или времени негласность, дающая

определенные тактические преимущества стороне обвинения.

Интересным представляется анализ отдельных положений УПК РФ, регламентирующих функциональную составляющую процессуального инструментария, а именно — подготовку, производство и оформление следственных действий. На наш взгляд, именно в этой сфере положения и предписания УПК РФ не только пассивно влекут, но порой и активно обеспечивают состояние негласности. Так, в ст. 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» перечисляются правила подготовки и производства следственных действий:

Часть 2. Ходатайство о производстве следственного действия подлежит рассмотрению единолично судьей.

Часть 3. В судебном заседании вправе участвовать прокурор и следователь.

Часть 6. Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии.

Из совокупности данных положений вытекает необязательность (тайна) ознакомления с фактом подготовки, проведения и результатами этого следственного действия иных, кроме перечисленных, лиц (в частности, подозреваемого или обвиняемого), что может иметь не только важнейшее промежуточное (тактическое), но и принципиальное итоговое (стратегическое) значение. В контексте статьи это, по сути, означает ситуативную (временную или частичную по кругу лиц) негласность подготовки, проведения и достигнутых результатов следственного действия. Разумеется, что подобная ситуация возможна только при проведении следственных действий без прямого участия подозреваемого или обвиняемого (например, санкционированный обыск в жилище лица, но без его ведома или обыск в жилище одного из членов преступной группы в тайне от других).

Редакция и смысл отдельных норм УПК РФ, регламентирующих производство следственных действий, также допускают их субъективную интерпретацию правоприменителем. Так, ст. 188 «Порядок вызова на допрос», 424 «Порядок вызова несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого», 456 «Вызов свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, находящихся за пределами территории Российской Федерации» декларируют общий, а также особый порядок вызова на допрос, обусловленный категорией вызываемого лица или

обстоятельствами: в случае временного отсутствия лица повестка вручается совершеннолетнему члену его семьи или передается администрации по месту работы; лицо, не достигшее возраста шестнадцати лет, вызывается на допрос через его законных представителей либо через администрацию по месту работы или учебы; военнослужащий — через командование воинской части; лица, находящиеся за пределами территории Российской Федерации, — в порядке, установленном ч. 3 ст. 453 УПК РФ.

В то же время ч. 4 ст. 188 УПК РФ «Порядок вызова на допрос» предусматривает иной порядок вызова, когда это обуславливается обстоятельствами уголовного дела. Неконкретная редакция данной нормы допускает ее расширенное по кругу лиц буквальное толкование и отношение предписаний не только к несовершеннолетнему, но и к любому иному лицу. Получается, что кроме вызова повесткой, вручаемой лицу под расписку или с помощью средств связи, т. е. гласного способа, оно может вызываться для допроса и негласно по отношению к определенному кругу лиц — соседям, коллегам по работе, учебе и пр., что может иметь важное тактическое значение на определенном этапе расследования. Более того, даже официально повестка может быть вручена лицу в тайне от его окружения, предоставляя ему возможность и право самому решить разглашать ли факт вызова и результаты допроса или нет.

Кроме того, полагаем, что предоставленное ст. 187 УПК РФ «Место и время допроса» следователю право допроса лица по месту его пребывания в случае признания этого необходимым, также допускает достижение определенной ситуативной негласности (как по кругу лиц, так и по времени), имеющей тактическое значение для стороны обвинения. И здесь опять доминирующее значение УПК РФ отдает усмотрению следователя, достигая при этом определенных ситуативных условий или преимуществ (в том числе и негласности), но нивелируя общие требования.

Резюмируя вышеизложенное, признаем, что рассмотренные многочисленные ограничения, дозволения и предписания не носят умышленно замаскированных в тексте УПК РФ положений, обеспечивающих негласность уголовного процесса как функциональную характеристику этой деятельности и как ее результат, но при этом негласность в определенной степени объективно присуща практически всему процессу судопроизводства и

неотрывна от него. Допускаем, что осознание и принятие правовой общественностью, и более того — всем обществом, возможности, целесообразности и необходимости сочетания в уголовном судопроизводстве гласных и негласных методов позволят не просто оптимизировать когнитивно-доказательственный инструментарий правоприменителей, но и снабдить их действенным легитимным средством достижения конечных целей уголовного судопроизводства. Тем более что примеры удачной реализации данной инициативы имеются в законодательстве ряда зарубежных государств — Украины, Казахстана, Латвии, Эстонии, Молдовы, нормотворцы которых нашли в себе законодательную смелость и дальновидность в решении многолетней проблемы совмещения гласных следственных и негласных оперативно-разыскных форм и методов в решении основных задач уголовного судопроизводства.

1. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд. испр. и доп. М., 1995; Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1998; и др.

3. Сурков К. В. Принципы оперативно-розыскной деятельности и их правовое обеспечение в законодательстве, регламентирующем сыск: моногр. СПб., 1996.

4. Шиенок В. П. К вопросу о содержании реализации принципа соблюдения конспирации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Пути совершенствования оперативно-розыскной деятельности в условиях правовой реформы: сб. науч. тр. Мн., 1993. С. 22—23.

5. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Российская газета. 1998. 11 авг.

6. Лопатин В. Н. Правовая охрана и защита служебной тайны // Государство и право. 2000. № 6. С. 85.

7. Смирнов А. В., Калининский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2004.

8. Морфицин П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.

9. Смирнов А. В., Калининский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2004; Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник / под ред. проф. Э. К. Кутуева. СПб., 2016; и др.

10. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учеб. пособие. М., 2006.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003.

© Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В., 2018

1. *Criminal Procedure: textbook for Universities* / ed. by B. B. Bulatov, A. M. Baranov. The 3-rd Ed., Reviewed and Added. Moscow, 2012.

2. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 Words and Phraseological Expressions. The 2-nd Ed., Amended and Added. Moscow, 1995; Large Encyclopedic Dictionary* / ed. by A. M. Prokhorov. Moscow, 1998; etc.

3. *Surkov K. V. Principles of Operative-Detective Activity and Their Legal Basis in the Legislation Regulating Search: monograph. St. Petersburg, 1996.*

4. *Shienok V. P. On the Issue Related to the Content of Implementing the Principle to Observe Secrecy in the Operative-Detective Activity of the Interior Bodies // Ways to Improve Operative-Detective Activity Under Legal Reform Implementation Conditions: collection of Research Works. Minsk, 1993. Pp. 22—23.*

5. *On Case Related to Checking the Constitutionality of Certain Positions of the Federal Law „On Operative-Detective Activity“ Due to the Complaint of Citizen I. G. Chernova: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated of 14 July 1998, № 86-O // Rossiyskaya Gazeta. 1998. August, 11.*

6. *Lopatín V. N. Legal Defense and Protection of Official Secrecy // State and Law. 2000. № 6. Pp. 85.*

7. *Smimov A. V., Kalinkovsky K. B. Criminal Procedure: textbook for Universities* / ed. by A. V. Smimov. St. Petersburg, 2004.

8. *Morfitsin P. G. Investigator's Discretion: Criminal-Procedural Aspect: diss. of Doct. of Jurid. Sciences. Omsk, 2003.*

9. *Smimov A. V., Kalinkovsky K. B. Criminal Procedure: textbook for Universities* / ed. by A. V. Smimov. St. Petersburg, 2004; *Criminal-Procedural Law (Criminal Procedure): textbook* / ed. by Prof. E. K. Kutuyev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg, 2016; etc.

10. *Grigoryev V. N., Pobedkin A. V., Yashin V. N. Criminal Process: textbook. Moscow, 2006.*

11. *Commentary to the Criminal-Procedural Code of the Russian Federation* / ed. by A. V. Smimov. St. Petersburg, 2003.

© Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V., 2018